

ПЕСНЯ О ЩЕЛКАНЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЖАНРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ

А. А. ЗИМИН

На Песню о Щелкане уже давно обратили внимание и литературоведы и историки, ставя ее в связь с тверским восстанием 1327 г., в ходе которого погиб ханский наместник Чолхан. Победители Щелкана братья Борисовичи (по варианту Гильфердинга — князья) обычно сопоставлялись с тверскими князьями Александром и Дмитрием Михайловичами, а подмена имен объяснялась позднейшими отзвуками XV в., т. е. времени княжения Бориса Александровича¹.

Однако в 1929 г. видный исследователь русской общественной мысли XIV—XVI вв. А. Д. Седельников выступил со смелой гипотезой, согласно которой Песня о Щелкане возникла как поэтический отклик на события опричных лет². Седельников обратил внимание на ряд фактов, с которыми, казалось бы, исследователи должны были посчитаться. Он установил, что к Песне о Щелкане наиболее близок тот вариант летописного рассказа о восстании 1327 г., который читается в Никоновской летописи: только здесь Щелкан, как и в Песне, назван Дудентиевичем³. Дюдень в 1293 г. ходил в поход на Русь, но о его весьма проблематичном родственном отношении к Чолхану ни в каких других источниках сведений нет. Далее, в Никоновской летописи Щелкан называется «царевичем» и даже «братаничем» Азвяку (Узбеку). Шурином царя выступает Щелкан и в Песне. Оформление Никоновской летописи относится к середине XVI в. Отсюда, заключает А. Д. Седельников, и Песня, использовавшая ее мотивы, не могла сложиться ранее.

Чтобы раскрыть идейное содержание Песни, Седельников сопоставляет песенного царя Азвяка с Иваном Грозным, Щелкана с царским шурином Михаилом Темрюковичем, а грабительскую деятельность Щелкана в Твери с походом 1569 г. А. Д. Седельникову удалось расшифровать и много других реалий, имеющих в Песне. Так, упоминавшиеся в ней Плес, Вологда и Кострома, которыми царь пожаловал своих «шурьев», действительно, были взяты Иваном IV в состав опричнины. Упоминаемая в Песне Мария Дудентиевна, сестра Щелкана, без труда была отождествлена с царицей Марией Темрюковной.

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. I. Изд. «Обществ. польза», стб. 1314—1315; В. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 2, СПб., стр. 267—270; «Былины. Исторические песни», т. II, М., 1919, стр. 324, 340 (комментарий М. Н. Сперанского).

² А. Д. Седельников. Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению. «Художественный фольклор», IV—V, М., 1929, стр. 36—52.

³ ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 194. Впрочем, отчество у Щелкана появляется в статье «А се князи русьстии», находящейся в новгородском своде 1448 г. (Новгородская первая летопись, М.—Л., 1950, стр. 469, ПСРЛ, т. XVI, стб. 312).

А. Д. Седельников обратил внимание на сходство песен о Щелкане и о Кострюке-Мастрюке (два брата Борисовичи по варианту Кириши Данилова выступают победителями и Щелкана и Кострюка, т. е. того же самого Михаила Темрюковича). Один из существенных мотивов Песни — раздача Азвяком русских городов своим родичам находит аналогию и в песне о походе крымского хана 1572 г., записанной уже Ричардом Джемсом, и в соответствующем рассказе Генриха Штадена⁴.

Тонкие и аргументированные наблюдения А. Д. Седельникова сразу же вошли в советскую и зарубежную фольклористику⁵.

Однако в дальнейшем судьба статьи А. Д. Седельникова оказалась совершенно неожиданной — исследователи Песни о Щелкане ее почти игнорировали, лишь вскользь упоминая ее мнимую «бездокладность». Первый пример этому подал Я. С. Лурье в своей ранней статье о Твери XIV—XV вв. Он писал, что «малоубедительные доводы Седельникова в лучшем случае доказывают, что былина о Щелкане в XVI в. была использована в полемических целях, но предполагать, что она целиком сочинена в это время на основе летописного рассказа, конечно, совершенно невозможно»⁶. Но в чем состоит «малоубедительность» доводов Седельникова⁷, почему «совершенно невозможно» относить сложение Песни к XVI в., на каком основании «в лучшем случае» можно говорить об использовании песни со времени Грозного «в полемических целях», — Я. С. Лурье так и не сообщил читателю.

Я. С. Лурье приводит три аргумента в пользу предположения о том, что Песня о Щелкане сложилась под непосредственным влиянием событий 1327 г. Первое — отсутствие пренебрежительного тона «к татарам как власти», возникшего после ликвидации татарского ига в 1480 г. Следовательно, замечает Я. С. Лурье, Песня сложилась до конца XV в. Отнюдь нет. Те былины, в которых татарские цари называются «собаками», «дураками», «вислоухими» и т. п., в своей основе сложились еще до конца XV в., и их терминология отразила вековую ненависть русского народа к поработителям. Отсутствие такого тона в Песне о Щелкане обращает на себя внимание, но объясняется гораздо лучше гипотезой А. Д. Седельникова об Иване Грозном как историческом прототипе царя Азвяка. Второй аргумент Я. С. Лурье (изображения на известной рогатине кн. Бориса Александровича, как отдельные эпизоды из Песни о Щелкане) мы можем специально не рассматривать, ибо уже Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что рисунки на рогатине никакого отношения к Щелкану не имеют и содержат несколько охотничьих и других эпизодов из какой-то недошедшей до нас повести⁸.

Больше всего повезло в литературе последней догадке Я. С. Лурье. Ссылаясь на родословие Шетневых, изложенное В. С. Борзаковским⁹, Я. С. Лурье обращает внимание на некоего Бориса Федоровича Поло-

⁴ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., 1925, стр. 111—112.

⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938, стр. 262 и сл.; C. Stief. Studies in the Russian Historical Song, København, 1953, p. 264.

⁶ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства, «УЗ ЛГУ», № 36, серия исторических наук, вып. 3, Л., 1939, стр. 103.

⁷ Я. С. Лурье говорит о «неудачности» даже «общей аналогии» между былиной (точнее — Песней) о Щелкане и событиями опричнины только на том основании, что Щелкан был убит не Азвяком, а тверичанами. Однако по тексту Кириши Данилова Борисовичи были не тверичи, а «щурья» Азвяка, т. е. убийство Щелкана косвенно связывается с Азвяком. С другой стороны, и царь Иван позднее категорически отрицал свою причастность к гибели Михаила Темрюковича.

⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 632—636.

⁹ В. С. Борзаковский. История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 222—223. В списке XVI в. Родословной книги тексты выглядят так: «Борис Федорович Половой пришел ис Чернигова во Тверь, сын Федора, боярина князя Михаила черниговского... Михайло Шетень, первой тысячдой во Твери» (ГБЛ, Рум. 348, л. 173).

вого, внук которого Михаил Шетень был первым тверским тысяцким. «Не исключена возможность,—пишет он,—что этот род мог именоваться Борисовичами». Сопоставляя «Борисовичей» из Песни о Щелкане с предполагаемыми «Борисовичами» (потомками Бориса Полового), Лурье делал вывод о том, что восстание в Твери возглавлял не князь Александр, а тысяцкие¹⁰. Известно, что Борис Половой жил в середине XIII в. Однако его потомки носили фамилию «Шетневы», но никак не «Борисовичи». Таким образом, предположение Я. С. Лурье трудно принять, ибо оно не только не подкрепляется источниками, но вступает с ними в разительное противоречие.

В 1944 г. вывод Я. С. Лурье о «Борисовичах» получил дальнейшее развитие в специальной статье об этой Песне Н. Н. Воронина¹¹. Признав построение А. Д. Седельникова «чрезвычайно искусственным и малоубедительным», Н. Н. Воронин обратил внимание на существование реальных «Борисовичей» в источниках XVI—XVII вв. Он, в частности, указал на земельные владения Василия Петровича Борисовича (Борисова) и его детей¹². В Михайло-Архангельский монастырь (где «кладутца Борисовичи») В. П. Борисов дал деревню Боково¹³. Однако эти «Борисовичи» никакого отношения к Б. Ф. Половому и Шетневым не имеют. Происходили они из рода тверских и московских бояр. Иван и Василий Борисовичи (дети Бориса Захарьевича) еще без какой-либо фамилии встречаются в разрядах 1475—1501 гг.¹⁴. Дети Ивана Василий и Никита в родословцах также именуется «Борисовичами»¹⁵. Племянником Ивана Борисовича и был окольный Василий Петрович Борисов — Бороздин (около 1552—1557 гг.)¹⁶, о котором писал Н. Н. Воронин. Более десятка тверичан Борисовых служили в середине XVI в. при дворе Ивана Грозного и Владимира Старицкого¹⁷. Двое из них стали опричниками¹⁸, двое в опричные годы казнены¹⁹. Итак, упоминание в Песне о Щелкане «Борисовичей», если имеет под собою реальную историческую основу, то ведет нас не к XIV в., а к концу XV—XVI вв.

После Я. С. Лурье и Н. Н. Воронина исследователи, обращавшиеся к Песне, не смогли обнаружить в ней каких-либо реалий XIV в.

И. У. Будовниц вскользь заметил, что «доводы А. Д. Седельникова весьма искусственны и не согласуются с содержанием самой песни», и изложил аргументацию Я. С. Лурье и Н. Н. Воронина, которую он полностью разделил²⁰.

Отметив, что «точка зрения А. Д. Седельникова не принята в советской исторической науке», Л. В. Черепнин присоединился к точке зрения Н. Н. Воронина и И. У. Будовница²¹. Вместе с тем, исходя из

¹⁰ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 107.

¹¹ Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и тверское восстание 1327 г. «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 75—82.

¹² «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. 2, стр. 181, 184, 226, 284—285 и др.

¹³ Там же, стр. 195, 278 и др.; «Выпись из тверских писцовых книг Потапа Нарбекова», Тверь, 1901, стр. 64.

¹⁴ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, М., 1902, стр. 11, 23.

¹⁵ «Родословная книга князей и дворян российских», ч. II, М., 1787, стр. 142.

¹⁶ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI вв., «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 65.

¹⁷ «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.», М., 1950, стр. 204; «Родословная книга», ч. II, стр. 142—143.

¹⁸ В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного, «Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 27.

¹⁹ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. «Проблемы источниковедения», сб. III, М.—Л., 1940, стр. 265—266.

²⁰ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.), М., 1960, стр. 380—383.

²¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, М., 1960, стр. 482.

упоминаний в Песне Большой орды, Л. В. Черепнин отнес сложение Песни не к XIV, а к XV в., когда нарастали предпосылки для распада Золотой орды. В отличие от Я. С. Лурье Л. В. Черепнин считает, что в Песне царь Азвяк «нарисован с известным сатирическим оттенком». Он «не внушает особого почтения или страха, а скорее вызывает насмешки»²². Если И. У. Будовниц видит в одаривании царем Азвяком своих шуринов русскими городами отзвук сходного рассказа Никоновской летописи, то Л. В. Черепнин замечает, что в ранних летописях подобного рассказа нет. Поэтому он сопоставляет эту часть Песни о Щелкане с летописным сообщением о приходе на Русь в 1409 г. Едигея с царевичами Бучаком, Тегриберди, Алтамырем, Булатом²³. Но проблематичное созвучие Тегриберди — Гордей, Алтамырь — Ахрамей и полное несозвучие третьего из «шурьев» Песни — Василия с кем-либо из царевичей Едигея, не позволяя нам принять соображения Л. В. Черепнина. Большой интерес представляют тонкие наблюдения Л. В. Черепнина о связи вариантов Песни, записанных А. Гильфердингом, с обстановкой XVI в. (перенесение ее начального эпизода в Крым, жалование бояр селами и поместьями «со крестьянами», «правеж», творившийся Щелканом).

В литературоведческой науке также прочно утвердилось построение Я. С. Лурье и Н. Н. Воронина²⁴. Специальное исследование Песни о Щелкане посвятил Б. Н. Путилов²⁵. И он начинает свою работу с голословного утверждения, что гипотеза А. Д. Седельникова «не была обоснована серьезными аргументами и в настоящее время не принята в науке»²⁶. Достоинством обстоятельной работы Б. Н. Путилова является тщательная классификация и изучение всех сохранившихся вариантов (редакций) песни²⁷. Автор исходит из тезиса о том, что «понять песню во всей сложности ее содержания можно лишь проанализировав не отдельные реалии и эпизоды, а сюжет в целом»²⁸. С противопоставлением реалий сюжету в целом, конечно, трудно согласиться: только сочетание этих элементов может раскрыть тайну происхождения исторической песни.

Б. Н. Путилов делит все сохранившиеся записи Песни о Щелкане на четыре версии. Наиболее обстоятельную версию (из Сборника Кирши Данилова) он именует «исторической» (№ 39), версию, представленную записями Гильфердинга и Соколовых, — «балладной» (№ 40—43), версию записи А. В. Маркова, И. В. Чистова (№ 44—45) — «переходной» и, наконец, версию одной из записей Гильфердинга — «эпической» (№ 46). Последние две версии явно позднейшего происхождения (в «переходной» нет даже имени царя Азвяка, в обеих отсутствуют

²² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 482.

²³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 155.

²⁴ «История русской литературы», т. II, ч. I. М.—Л., 1945, стр. 104—106 (автор С. К. Шамбинаго); Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 326—327; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV в. и народная поэзия. «Труды ОДРЛ», т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 125—126; «Русское народное поэтическое творчество», т. I, М.—Л., 1953, 288—290 (автор М. О. Скрипиль); «Русское народное поэтическое творчество», под ред. П. Г. Богатырева, М., 1954, стр. 292—299 (автор В. К. Соколова); Л. И. Емельянов. Некоторые вопросы генезиса исторической песни. «Историко-литературный сборник», М.—Л., 1957, стр. 73—92; «Исторические песни», изд. III, Л., 1956, стр. 11, 362 (автор В. И. Чичеров); К. В. Чистов. Новая запись Песни о Щелкане Дудентьевиче, «Труды ОДРЛ», т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 510; R. Trautmann. Das altrussische Historische Lied, Berlin, 1951, 5, 8, 9.

²⁵ Б. Н. Путилов. Песня о Щелкане. «Русский фольклор», кн. III, М.—Л., 1958, стр. 46—68; Его же. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв., М.—Л., 1960, стр. 116—131.

²⁶ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор, стр. 117.

²⁷ См. «Исторические песни XIII—XVI вв.», М.—Л., 1960, стр. 76—89, № 39—46.

²⁸ Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 117.

Борисовичи, погубившие Щелкана и т. п.)²⁹. Отдать же предпочтение «балладной» или «исторической» версии мы не решаемся и в дальнейшем будем использовать обе³⁰. Очень существенно утверждение Б. Н. Путилова о том, что «между изображением восстания в предании (Рогожский летописец) и в песне нет фактических соответствий»³¹. В самом деле, к событиям 1327 г. могут быть возведены из Песни лишь имена хана Узбека Товруловича³² и Щелкана, насилия, совершенные последним в Твери, и его гибель. Таким образом, к XIV в. в Песне о Щелкане восходят лишь смутные воспоминания о татарском насилинии-ке Щелкане, поплатившемся жизнью за свои преступления.

Все остальные сопоставления следует отнести за счет упорного стремления исследователей придать Песне о Щелкане характер документального свидетельства о восстании 1327 г. Д. С. Лихачев даже находит в летописном рассказе прямое отражение этой Песни, хотя сам же он считает этот рассказ вставкой середины XV в. Б. Н. Путилов показал, что Рогожская летопись и Песня «не находятся между собою в какой-либо зависимости»³³. Впрочем, и сам Б. Н. Путилов не удержался от отдельных сопоставлений фактических данных Песни с обстоятельствами тверского восстания 1327 г. В частности, в пожаловании шурьев царя Азвяка городами он видит поэтическое отражение сбора дани татарским даругой. Это невероятно: ведь царь «дарил... городами стольными» (№ 39) или «князей — бояр жаловал да селами, поместьями, города с пригородами» (№ 40). «Шурья» Азвяка собирали дани — выходы³⁴. Ничего подобного не делали баскаки. Их основной обязанностью была служба внутренней «охраны»³⁵. Баскаки не были полновластными властителями русских городов, в которых сохранялась княжеская юрисдикция³⁶.

Уже Н. Н. Воронин сформулировал основной тезис, который следует проверить, говоря о хронологии Песни о Щелкане: «попытка связать содержание „Песни“ с событиями XVI в. была бы совершенно

²⁹ В подтверждение «значительной древности» «эпической» версии Б. Н. Путилов ссылается на гипотезу Я. С. Лурье, который находит некоторые ее эпизоды среди изображений, помещенных на рогатине князя Бориса Александровича (Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 127—128). С этим мы не можем согласиться ввиду новых выводов Б. А. Рыбакова об этой рогатине.

³⁰ Большинство исследователей высказывалось в пользу большей древности записи Кирши Данилова. Однако явные следы энергичного вмешательства составителя этого сборника в текст ряда исторических песен (например, песни о взятии Казани) и были заставляя нас настороженно отнестись к записям Кирши Данилова.

³¹ Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 126.

³² В. А. Кучкин обратил наше внимание на то, что отцом Узбека был Тогрулджиджи (Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 90) и что песенное «Товрулович» соответствует исторической правде.

³³ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 327; Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 126.

³⁴ Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 118.

³⁵ А. Н. Насонов. Монголы и Русь, М.—Л., 1940, стр. 25; А. А. Зимин. Народные движения 20-х годов XIV века и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 1, 1952, стр. 61.

³⁶ Б. Н. Путилов в эпизоде с конем, вывезенным Щелканом из Литвы, видит отражение сбора дани татарским даругой.

«А нельзя, дескать, тое узды

Ни продать, ни променять,

И друга (Путилов читает — «даругу») дарить

Щелкана Дюдентьевича» (№ 39). (Б. Н. Путилов. Указ. соч.,

стр. 119). Но это крайне искусственная интерпретация: ведь

«Вывел млад Щелкан

Коня во сто рублей,

Седло во тысячу,

Узде цены ей нет.»

Следовательно, Щелкану-«даруге», по Путилову, нельзя было дарить самому себе добытую им же узду — это явная бессмыслица. В Песне речь идет совсем об ином: Щелкану запрещено было одаривать своего (Щелкана) друга — и только.

правомерна, если б ее содержание совершенно расходилось с фактами XIV в.»³⁷.

В Песне много фактов, не находящих себе исторического подтверждения в летописных рассказах о событиях 1327 г. Это — сведения о пожаловании Узбеком городов Плеса, Вологды, Костромы и Твери его «шуринам», поездке Щелкана в Литву, о его сестре Марии, о царских «шуринах» Борисовичах, да и о том, что сам Щелкан был шурином царя³⁸, об убийстве сына Щелкана и т. п. Этого мало. Песня в решающих моментах прямо противоречит летописи. В Песне центральный момент событий — народное восстание в Твери — заменено убийством Щелкана царскими шурыями. «Историческая версия» молчит о роли тверских князей в гибели Щелкана, только в «балладной версии» убийцы Щелкана называются князьями Борисом и Дмитрием Борисовичами, конечно, под влиянием припоминаний о княжении в Твери XV в. князя Бориса Александровича и его наследников. Нет в Песне также известного эпизода с дьяконом Дудко, ограбленным татарами, явившегося поводом народного восстания³⁹.

Особенно много хлопот доставила исследователям Песни ее концовка по варианту Кирши Данилова.

«Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося!» (№ 39).

По мнению Я. С. Лурье, этими словами утверждалась «правильность восстания», которое по Песне «закончилось полной удачей»⁴⁰. Но ведь в Песне ни о каком восстании не говорится вовсе, а убийство Узбека в действительности тверичанам стоило очень дорого (восстание было жестоко подавлено). Для Н. Н. Воронина розовая концовка свидетельствует о том, что Песня в варианте Кирши Данилова могла возникнуть в 1327 г., т. е. до разгрома Твери, когда еще ни на ком «не сыскалось» убийство Узбека⁴¹. Но о разгроме тверичей московскими и ханскими войсками не знают и другие варианты песни, которые даже по Н. Н. Воронину сложились после 1327 г. И. У. Будовниц видит в концовке «глубокий исторический смысл»: после 1327 г. «орда не повторяла больше попыток непосредственно управлять русскими областями», а поэтому «заключительная часть Песни о Щелкане очень правильно отражает историческое значение событий 1327 г.»⁴². Но при чем же тут «ни на ком не сыскалося» Песни? По Л. В. Черепнину, «в концовке песни как бы подводится итог той идее, которая раскрывается в самом ее содержании: народное движение смело иноземного угнетателя. Спрашивать за это не с кого: сам виноват»⁴³. В этом объяснении есть определенный резон. Песня оправдывает убийство насильника — царского шурина — таков ее идейный смысл. Но разительное противоречие концовки фактам XIV в. этим не снимается.

Б. Н. Путилов вообще отказывается искать какой-либо смысл в концовке и считает, что «видимо, здесь мы имеем дело не с очень хорошей записью подлинного текста»⁴⁴. Однако эта «не очень хорошая запись Кирши Данилова» соответствует и другим вариантам Песни, где или вообще нет ничего об убийстве Щелкана (№ 40—42), или текст кончается его гибелью.

³⁷ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 76.

³⁸ В Никоновской летописи Щелкан назван «братаничем» хана (ПСРЛ, т. X, стр. 194). По А. Н. Насонову, он, вероятно, был племянником этого татарского хана (А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 91).

³⁹ ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 464—465.

⁴⁰ Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 108.

⁴¹ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 81—82.

⁴² И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 382.

⁴³ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 488.

⁴⁴ Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 124.

Таким образом, припоминания о событиях 1327 г., составляя только канву Песни о Щелкане, могли явиться лишь исторической реминисценцией. И тут снова приходит на память гипотеза А. Д. Седелникова об опричном разгроме Твери в 1569 г. как о реальной исторической основе Песни. В дополнение к его аргументации можно добавить следующее. Победители Щелкана в «исторической версии» именуются «шуринами» царя Узбека и связываются с Тверью.

«Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи» (№ 39).

Вероятнее всего, песенный образ царских шуринов — Борисовичей имеет в виду хорошо известного историческим песням XVI в. шурина Ивана Грозного Никиту Романовича и его двоюродного брата Василия Михайловича Юрьева⁴⁵. Исследователи давно уже заметили неслаженность текста о Борисовичах: в нем почему-то появляются шурия Василий, Гордей и Ахрамей:

«Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме» (№ 39).

Причудливые имена «шуринов» возникли, вероятно, от аллитераций (Гордей — Вологда, Ахрамей — Кострома). Наверно, позднейшего происхождения и их «утроение». Но вот имя Василия, возможно, — след того самого Василия Юрьева, о котором мы только что говорили. Интересно, что еще в XVII в. на Плесе и в Костроме сохранялись владения Юрьевых-Романовых⁴⁶. Оба Юрьевы имели прямое отношение к Твери. В. М. Юрьев был тверским дворецким в феврале 1546—1554 гг., затем — ржевским наместником в 1566 г. (Ржев частично входил в Тверской дворец)⁴⁷. В июле 1566 г. тверским дворецким был уже Н. Р. Юрьев, позднее он в посольских делах именуется тверским наместником⁴⁸. В Песне о Кострюке, по замыслу очень близкой к Песне о Щелкане, земский боярин Никита Романович также выступает противоборцем царского шурина. Одной из причин этого было глубокое недовольство народа политикой опричнины, одним из инициаторов которой выступал Михаил — Кострюк — Щелкан Темрюкович Черкасский⁴⁹. Крестьяне одного суздальского села в конце 80-х годов XVI в. говорили: «Князь Михаил Темрюкович Черкасской тогда (в опричнине.— А. З.) был человек великой и временной и управы было на него добиться немочно»⁵⁰.

Исследователей ставил в тупик эпизод с убийством сына Щелкана по приказанию царя Азвяка. Но у Таубе и Крузе сохранилось сообщение, что еще за некоторое время до гибели Михаила Темрюковича по приказу царя были убиты его шестимесячный сын и жена (кстати го-

⁴⁵ У дворецкого Никиты Романовича был и родной старший брат дворецкий Данила, умерший в конце 1564 г. Песня, конечно, объединила Данилу и Василия воедино.

⁴⁶ М. Кожевников. Земельные владения дома Романовых в XVI—XVII ст., СПб., 1913, стр. 4, 37.

⁴⁷ А. А. Зимин. О составе дворовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв., «Исторические записки», № 63, стр. 192, 197; ср. также ГИМ, Музейное собрание № 3417.

⁴⁸ ГБЛ, Беляев, № 131. У Н. Р. Юрьева были в Тверском уезде и земельные владения (Д. Цветаев. Избрание Михаила Федоровича на царство, М., 1913, стр. 53).

⁴⁹ См. А. А. Зимин. Историческая песня о Кострюке-Мастрюке. «Slavia», 1962 год. 31, scs. 4, стр. 555—577.

⁵⁰ В. И. Корецкий. Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в., «Вопросы истории религии и атеизма», сб. VI, М., 1958, стр. 195.

вора, дочь В. М. Юрьева)⁵¹, так что совпадение с Песнью просто разительно.

Непосредственным поводом гибели Щелкана в Песне считается то, что он «зачванелся... загорделся» (№ 39), в результате чего произошла драка с Борисовичами. Накануне гибели (в 1571 г.) Михаил Темрюкович стал занимать особое место в правительственных сферах. Он, как и песенный Щелкан, владел русским городом на удельно-кормленных правах (ему принадлежал в 1568/69 г. г. Гороховец с землями)⁵². Он считался чином выше всех бояр, как в опричнине, так и в земщине. В феврале 1571 г. он возглавлял суд бояр в опричнине, а летом этого года командовал опричными войсками, отражавшими набег Девлет-Гирея⁵³. Гибель Михаила Темрюковича, как известно, произошла в 1571 г., когда уже недалек был час полной отмены опричнины и торжества земских порядков. Его смерть также «ни на ком не сыскалась», т. е. никому не вменялась в вину, как и позорный конец Щелкана.

Сразу же после гибели Михаила Черкасского московское правительство дало инструкцию своему послу в Крыму отрицать факт казни царского шурина: «князь Михайло Черкасской... ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб»⁵⁴. Интересно, что в некоторых версиях, в частности в «балладной», Песня кончается предсказаниями сестры Щелкана:

«Да остыть бы те, брателку,
Да на востром копье,
На булатнем на ножичке» (№ 40, ср. № 41, 41).

Это объясняется, видимо, тем, что обстоятельства гибели князя Михаила не были хорошо известны. Штаден, например, передавал, что «шурин великого князя стрельцами был на смерть зарублен топорами и алебардами»⁵⁵. Это напоминает «булатные ножички» Песни.

А. Д. Седельников пытался связать участие князя Михаила в походе 1563 г. на Полоцк с тем, что Щелкан «уезжал... в дальнюю землю Литовскую» (№ 39). Кстати, Михаил Темрюкович участвовал также в царском походе на Литву и в 1567 г.⁵⁶:

Щелкан собирал с населения:

«Дани невыходы,
Царски невыплаты» (№ 39)

или:

«Уехал Щелканушко...
Ради дани и выходу,
Ради чортова правежу» (№ 40).

Учреждая в 1565 г. опричнину, царь наложил на земщину колоссальную контрибуцию — «сто тысяч рублей»⁵⁷. В дальнейшем опричные «правежи» недоимок сделались одним из самых страшных бичей опричнины. Басаргин «правеж» 1568 г. привел к запустению многих цветущих районов Поморья⁵⁸. В 1569/70 г. «правежу», осуществляв-

⁵¹ М. Г. Рогинский. Послание Иоганна Таубе и Эгерта Крузе. «Русский исторический журнал», вып. 8, Пг., 1922, стр. 41.

⁵² А. А. Зимин. Хронологический перечень актов Спасо-Ефимьева монастыря XVI — нач. XVII в. «Археографический ежегодник за 1963 г.», М., 1963, под № 177.

⁵³ П. А. Садиков. Из истории опричнины. «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 256—257; «Синбирский сборник», М., 1844, стр. 30. Подробно его биография прослежена в статье В. Б. Кобрин «Состав опричного двора Ивана Грозного» («Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 86—87).

⁵⁴ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957, стр. 34.

⁵⁵ Г. Штаден. Указ, соч., стр. 97.

⁵⁶ «Синбирский сборник», М., 1844, стр. 20, 21.

⁵⁷ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

⁵⁸ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, М.—Л., 1950, стр. 199 и сл.

шемуся опричником Петром Ивановичем Барятинским, подверглась Ладога⁵⁹. Опричниками был запустошен и Орешек⁶⁰. Крестьяне русского севера надолго запомнили, как с них брались «царски невыплаты», как в «Малютину волость» свозились крестьяне⁶¹.

Имя хана Узбека (Азвяка, Возвяка) совершенно неожиданно появляется в источниках середины XVI в.: именно тогда в окружении митрополита Макария был создан подложный ярлык хана Узбека, якобы выданный митрополиту Петру⁶². В XVI в. Узбек проникает и в фольклор. «Возьяк Котобрулович» похищает Марию Юрьевну по одному из вариантов песни — былины о князе Романе, тяготеющему к XVI в.⁶³. К XVI в., по всей вероятности, относится сложение былины о Сухане⁶⁴, навеянной героической борьбой русского народа с татаро-монгольским игом⁶⁵. В. И. Малышев обнаружил замечательный памятник русской литературы — «Повесть о Сухане», сложение которой относится ко времени не ранее конца XVI в.⁶⁶. Так вот, согласно этой повести, Сухан сражается на Днепре с татарским войском царя «Азбуха Товруевича»⁶⁷. Но именно царь Азвяк Таврулович и является одним из главных героев Песни о Щелкане⁶⁸. Сходство этих двух памятников народной словесности также убеждает нас в том, что Песня о Щелкане возникла не ранее XVI в.

Таким образом, гипотеза А. Д. Седельникова, видящего в Песне о Щелкане народно-поэтический отклик на тверской поход опричников царя Ивана и гибель Михаила Темрюковича, остается наиболее вероятным объяснением ее сюжетной линии. Эта песня клеймила опричные правежи и бесчинства, тяжело отражавшиеся на положении горожан и крестьянства, и имела ясно выраженную социальную окраску.

Было и еще одно обстоятельство, задерживавшее в народной памяти имя Щелкана. На Северном Кавказе во второй половине XVI в. по соседству с Кабардой существовало сильное кумыкское владение, именовавшееся на Руси «Щелканом» или «Шевкалом»⁶⁹. Флетчер писал, что на границе России обитают татары и среди них «шелкалы». В другом случае им называется «область Щелкалы (Shalcan)»⁷⁰. На границе с «Шевкалом» («Щелканом») в 1567 г. русское правительство построило Сунженский, а в 1588 г. Терский городки⁷¹. Постоянные войны с

⁵⁹ Д. Самоквасов. Архивный материал, т. II, М., 1909, стр. 306, 327.

⁶⁰ Там же, стр. 365.

⁶¹ Д. Самоквасов. Указ. соч., стр. 320. На этот факт наше внимание обратил В. Б. Кобрин.

⁶² А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, стр. 75.

⁶³ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III, СПб., 1910, № 421. Князь Роман выступает героем былины о «наезде литовцев», в которой В. Я. Пропп справедливо видит отражение эпохи Грозного. (В. Я. Пропп. Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 404).

⁶⁴ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское, СПб., 1869, стр. 617—625; С. К. Шамбинаго. Исторические переживания в старинах о Сухане. «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 503—515; В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 167—173; В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 324—384, 538—539.

⁶⁵ В. И. Малышев. Повесть о Сухане, М.—Л., 1956, стр. 39.

⁶⁶ См. А. А. Зимин. Рец. на кн. В. И. Малышева «Повесть о Сухане». «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», т. XVI, вып. 3, 1957, стр. 268.

⁶⁷ В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 136—138.

⁶⁸ См. об этом В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 64.

⁶⁹ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, стр. 5, 8, 59, 67 и др.

⁷⁰ Д. Флетчер. О государстве русском, СПб., 1906, стр. 83, 87, 89. Дженкинсон называл Шамхала Shalcall или Scafcayl («Английские путешественники в Московском государстве XVI века», Л., 1939, стр. 201, 202, 280).

⁷¹ Подробнее см. Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг., «Исторические записки», кн. 37, стр. 277 и сл. Соседство кумыков с кабардинцами сделало возможным превращение имени Щелкана в поэтическую тогу для Михаила Черкасского.

кумыками во второй половине XVI в. связали наименование «Шевкал» — «Шелкан» с давнишним татарским насильником⁷².

Нас не должна удивлять подмена имен в Песне: в ней обнаруживаются еще следы былинного мышления, для которого характерно повествование о делах и днях, близких сказателю, в образах далекого прошлого. Так, в былине XVI в. о Даниле Ловчанине царь Иван Васильевич предстает перед нами в образе князя Владимира, который наделен чертами жестокого сластолюбивого правителя⁷³. Историко-поэтический сплав народных представлений о Василии III и Иване Грозном представляет собою и образ царя Василия Окуловича из былины о Соломане⁷⁴. Осуждение опричной политики царя Ивана в Песне о Щелкане высказывалось в виде исторических параллелей, так же как Пересветов бичевал пороки боярского правления в «несовершенные лета» Грозного на примере противоборства царя Константина и Магмета-Салтана. Историческая правдивость Песни о Щелкане говорит за то, что она могла возникнуть вскоре после описываемых событий, т. е. после 1571 г.

Знание тверских преданий о Щелкане, хорошая осведомленность о судьбах Твери в опричные годы показывают, что Песня сложилась где-то в районе «Твери старой, Твери богатой». Именно здесь скорее всего могли изображать русского царя в образе татарского хана. Ведь «великий князь всея Руси» татарин Симеон Бекбулатович (1575—1576) в 1576 г. был сделан великим князем тверским и пробыл им более десяти лет⁷⁵. Последующие годы ссылки и заточения Симеон провел также в Тверской земле. Образ мимолетного русского царя — татарина, конечно, волновал воображение тверичей в большей мере, чем жителей других частей Русского государства. Впрочем, крымских ханов и татарских ханычей на русской службе во второй половине XVI в. часто называли царями и царевичами.

Имя Щелкана как царского сатрапа и насильника могло закрепиться в народной памяти в связи с полустолетней деятельностью при царском дворе дьяков Андрея и Василия Щелкаловых⁷⁶. Уже в 50-х годах XVI в. эти сыновья одного из дьяков были дворовыми детьми боярскими по Владимиру⁷⁷. Вскоре и они сами сделались дьяками, близкими к царю Ивану и опричным людям. В 1570 г. Василий Щелкалов вычитывал перед казнью «вины» сопернику Щелкаловых Висковатому и другим, обвиненным в измене в связи с походом на Новгород⁷⁸. Думный дьяк Андрей Щелкалов был с 1570 г. одновременно главою Казанского дворца (до 1587 г.), четвертым дьяком и главою Посольского приказа (до июня 1594 г.). Его брат (думный разрядный дьяк в 1576—1594 гг.) сменил его и в Посольском приказе и в четверти; с 1595 г. он стал также печатником, а в мае 1601 г. попал в опалу вместе с Романовыми⁷⁹.

⁷² В летописях Чолхан именуется также Шевкалом (ПСРЛ, т. XV, вып. I, стб. 43) или Шелканом (ПСРЛ, т. X, стр. 194).

⁷³ Б. Соколов. Исторический элемент в былинах о Даниле Ловчанине. «Русский филологический вестник», 1910, № 3—4, стр. 193—231.

⁷⁴ В. Миллер. Указ. соч., стр. 174—202.

⁷⁵ Н. В. Лилеев. Симеон Бекбулатович хан касимовский, великий князь всея Руси, Тверь, 1891, стр. 55—56, 104.

⁷⁶ Эта мысль подсказана мне Я. С. Лурье, которому я рад выразить свою глубокую признательность.

⁷⁷ «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», М.—Л., 1950, стр. 156.

⁷⁸ А. Шлихтинг. Новое известие о России времен Ивана Грозного, М., 1934, стр. 46.

⁷⁹ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 369 и др.; С. А. Белокуров. О Посольском приказе, М., 1906, стр. 106—107.

Щелкаловы были крупнейшими политическими деятелями своего времени⁸⁰. Уже английский посол Боус в 1584 г. писал, что Никита Романов и Андрей Щелкалов «считали себя царями и потому так и назывались многими людьми»⁸¹. Многие отмечали пронырливость Андрея Щелкалова, его стяжательские инстинкты и т. п. Интересно, что епископ Арсений Елассонский, побывавший на Руси в 1589 г., называл дьяка Андрея «Щелкалом» (Andream Tzalcanem)⁸². В 1575 г. Ульфельд именовал Василия Щелкалова — Solkan, а его брата — Sal-koпоff⁸³. «Щелканами» систематически называл Щелкаловых Д. Горсей⁸⁴. Словом, в быту прозвище Щелкан было прочно связано с дьяками Щелкаловыми⁸⁵. Кстати, еще в 80—90-х годах XVI в. Андрей Щелкалов ведал сбором четвертных податей в Твери⁸⁶, что могло ассоциироваться с грабительской деятельностью Щелкана в далеком прошлом. Во второй половине XVI в. были распространены также легенды о том, что предок Бориса Годунова мурза (князь) Чет в 1330 г. при хане Узбеке выехал на Русь из Орды⁸⁷. Царь-«татарин» Борис и дьяк-стяжатель Щелкалов, конечно, могли придать жизненную силу сюжету о Щелкане Дудентьевиче и царе.

Вопрос об историческом подтексте Песни о Щелкане, интересный и сам по себе, представляется особенно важным для определения эпохи возникновения русских исторических песен как особого жанра.

Как известно, в науке давно уже установлено, что XVI в. был временем появления исторических песен, как бы пришедших на смену древнерусским былинам⁸⁸. Однако в последнее время отмечается стремление некоторых исследователей как бы «удревить» этот жанр. Так, Д. С. Лихачев предполагает, что в X—начале XIII вв. в княжеских и боярских дворах пелись «славы», которые и являлись одним из видов устной исторической поэзии⁸⁹. Б. Н. Путилов убедительно доказал, что «вся концепция относительно песен» — „слав“ — остается в сфере самых зыбких гипотез, ибо никаких реальных следов этих слав в народной песенной традиции обнаружить не удается⁹⁰. Сам же Б. Н. Путилов относит появление исторических песен к XIII в. и связывает его с так называемым рязанским песенным циклом.

Но и гипотезу Б. Н. Путилова нельзя оценить иначе, чем он — предположение Д. С. Лихачева. Единственно, что удалось доказать Б. Н. Путилову — это наличие устно-поэтических мотивов в Повести о разорении Рязани Батыем (которую, кстати сказать, А. Г. Кузьмин датирует

⁸⁰ Подробнее см. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XV в., СПб., 1888, стр. 191 и сл.; С. Д. Шереметев. Царевна Феодосия Федоровна, СПб., 1902, стр. 33 и сл.; Д. Ф. Кобеко. Дьяки Щелкаловы. «Известия русского генеалогического общества», вып. III, СПб., 1909, стр. 79—87.

⁸¹ Ю. В. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, СПб., 1875, стр. 229; И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 45.

⁸² Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 196.

⁸³ «Чтения ОИДР», 1883, кн. 2, стр. 30, 38.

⁸⁴ Д. Горсей. Записки о Московии XVI в., СПб., стр. 51, 52 и др. Арсений Елассонский называет дьяка Андрея Теалканов (А. Дмитриевский. Архиепископ Елассонский Арсений, Киев, 1889, стр. 83).

⁸⁵ Наименование «Щелканово» встречается в топонимике Мещевского уезда XVII в. (АМГ, т. I, стр. 604, 608) и Вяземского уезда конца XVI в. (ПКМГ, ч. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 707, 709).

⁸⁶ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины, стр. 391.

⁸⁷ «В лето 6938 прииде из Орды ко князю Ивану Даниловичу князь именем Чет» (ГИМ, Воскр. собр., № 154, л. 610 об.). Этому мурзе, кстати говоря, легенда приписывала основание костромского Ипатьева монастыря (С. Б. Веселовский. Из истории древнерусского землевладения. «Исторические записки», кн. 18, стр. 57—58).

⁸⁸ Ю. М. Соколов. Указ. соч., стр. 262.

⁸⁹ «Русское народное поэтическое творчество», т. I, стр. 147, 205 и др.

⁹⁰ Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. 48.

началом XVI в.). Его попытки выделить из этой Повести, так сказать реконструировать, «Песнь о Евпатии Коловрате»⁹¹, установить отражение в этой Повести других недошедших до нас песен наталкивается на целый ряд затруднений и прежде всего на отсутствие следов этих песен в устном народном творчестве⁹². В лучшем случае в Повести можно усмотреть следы народных преданий о подвигах богатыря Евпатия⁹³. Характерно, что упоминания о Рязани мы находим по преимуществу в былинах об Илье Муромце и Василии Буслаеве, а не в исторических песнях.

Правда, Б. Н. Путилов пытается отнести к «рязанскому циклу» Песню об Авдотье-Рязаночке, но делает это крайне неудачно⁹⁴. Песня сохранилась всего в трех близких между собою записях. В ней идет речь о том, как царь Бахмет турецкий разорил «старую Казань — город подлесную», увел в полон «сорок тысячей». В городе осталась одна только «женка» Авдотья-Рязаночка, которая отправилась к царю Бахмету и добилась освобождения русского полона⁹⁵. Единственно, что может показать связывающим Песню с событиями 1237 г., — это прозвище ее героини — Рязаночка. Но обычное былинно-песенное сочетание «Казань — Рязань» порождено как созвучием названий, так и сходством судеб этих городов — восточных форпостов Руси. Б. Н. Путилов считает, что название опустошенного города Казанью — «эпическая замена» старой Рязани⁹⁶. Это совершенно бездоказательно: если бы подобная «подмена» имела место, то уж и Авдотья превратилась бы в «Казаночку». Однако присутствие Рязаночки в Казани нас не должно удивлять. В XVI в. Казань была населена ремесленниками из многих русских городов, в том числе и из Рязани. Так, в 1565—1568 гг. там на посаде жил некий Милоня Синяков, сведенец рязанский, владелец ряда лавок на торгу и на Спасской улице. В Казани жили также стрельцы — рязанцы Коняшко, Клenea, Колоколоники и Федька⁹⁷.

Казань в Песне — город-символ. Он как бы объединяет различные народные воспоминания, и в том числе о захвате этого города царем Иваном Грозным. Интересно, что «славные старые король Бахмет турецкие» в Песне нарисован как грозный, но вполне положительный герой, т. е. в полном соответствии с характеристикой Магмет-Салтана (Ивана IV) в сочинениях Пересветова. Песня синтезирует целый ряд исторических явлений: в ней слышатся также отголоски воспоминаний о турецком завоевателе Царьграда Махмеди (что датирует ее временем не ранее II половины XV в.) и недавнем походе турецкого султана на Волгу к Астрахани (1569 г.) Если уж обязательно искать вме-

⁹¹ Б. Н. Путилов. Песня о Евпатии Коловрате. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 118—139; см. также критические соображения Л. И. Емельянова (Л. И. Емельянов. Указ. соч., стр. 33—37).

⁹² То же самое можно сказать и про так называемую «Песнь о походе новгородцев на помощь Москве», которую С. К. Шамбинаго (а вслед за ним и Б. Н. Путилов) выделил из Сказания о Мамаевом побоище («История русской литературы», т. II, ч. I, М.—Л., 1945, стр. 218; Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор, стр. 131—137). Наличие эпических образов и других фольклорных изобразительных средств в Сказании еще недостаточный аргумент для реконструкции на этом основании особой Песни как источника этого литературного произведения. Впрочем, сам Б. Н. Путилов отвергает попытку С. К. Шамбинаго найти в Сказании целый ряд других предполагаемых песен на том основании, что она «не подтверждается фольклорными аналогиями» (Там же, стр. 131). К тому же вариант Сказания (Уваровский список XVII в.) с предполагаемой песней очень позднего происхождения.

⁹³ В. П. Адрианова-Перетц. Указ. соч., стр. 121. Критику построений Путилова дает также Л. И. Емельянов (Л. И. Емельянов. Указ. соч., стр. 37—50).

⁹⁴ Б. Н. Путилов. К вопросу о составе Рязанского песенного цикла, ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 230—244; Его же. Песня об Авдотье-Рязаночке, ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 163—168.

⁹⁵ «Исторические песни», № 1—3.

⁹⁶ Б. Н. Путилов. Песня об Авдотье-Рязаночке, стр. 164.

⁹⁷ «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1922, стб. 18, 24, 36, 39—41, 58, 62.

сто Казани Рязань, то можно вспомнить и набег «крымского царевича» 1521 г., когда «татаровья... Рязань взяша и многих в полон взяли и княгинь и боярынь многое множество, а иных присекоша»⁹⁸.

Б. Н. Путилов удачно сопоставил образ Авдотьи с Февронией из Повести о Петре и Февронии. Действительно, обе героини, самоотверженные и мудрые русские женщины, происходят из Рязанской земли. Но Повесть о Петре и Февронии сложилась только в середине XVI в.⁹⁹, к этому времени надо отнести и Песню о Рязаночке¹⁰⁰.

Если Песня об Авдотье-Рязаночке и входит в какой-либо поэтический цикл, то, конечно, в круг песен о татарских набегах и о русских полоняниках¹⁰¹. Их Б. Н. Путилов считает народными произведениями времен татаро-монгольского ига (XIII—XV вв.)¹⁰². Но уже В. И. Чичеров заметил, что песни о татарском полоне лучше рассматривать в связи с набегами на Русь крымских татар и турок XVI—XVII вв., и сопоставил их с «распросными речами» русских полоняников начала XVII в.¹⁰³. И действительно, все содержание песен ведет нас в XVI—XVII вв. В них говорится о набегах «царя крымского» (№ 4) и полонении им русских людей, причем именно о набегах, а не об утверждении татаро-монгольского властвования. В одной из песен приводится разговор «красной девки» с татаринком на реке Оке (№ 15), которая в XVI в. для татар была последней водной преградой по дороге на Москву. Не «грозная и печальная картина татарского ига» (Б. Н. Путилов) встает в песнях, а ужасающая картина разбойных набегов казанских и крымских татарских ханов на русские земли, сопровождавшихся «полонением» крестьян и посадских людей¹⁰⁴. В одной Казани в 1551 г. находилось более 100 000 русских полоняников¹⁰⁵. Несколько десятков тысяч русских людей было уведено в полон и во время набега Девлет-Гирея в 1571 г.

Итак, можно подвести некоторые итоги. Песня о Шелкане, как и некоторые другие, относившиеся исследователями к XIII—XV вв., при их внимательном рассмотрении, не могут быть датированы временем более ранним, чем XVI в., когда и происходил процесс формирования жанра исторических песен. Смена актового материала документами приказного делопроизводства, летописного повествования — исторической повестью, былин — исторической песней, иконописания — изображением реального человека — явления, безусловно, имеющие общие черты. Корни их обнаруживаются в тех социально-экономических сдвигах, которые происходили в России XVI в. и нашли отражение в постепенном освобождении человеческой личности от пут церковной идеологии.

⁹⁸ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, СПб., 1905, стр. 602. Ср. в Песне:

«Он в Казани князей-бояр всех вырубил
Да и княгинь-боярынь —
Тех живых в полон побрали» («Исторические песни», № 2).

⁹⁹ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 109—128; А. И. Клибанов. Повесть о Петре и Февронии как памятник русской общественной мысли, «Исторические записки», т. 65, стр. 303.

¹⁰⁰ Прав Л. И. Емельянов, писавший о генезисе исторических песен, что «материалов старше XIV века у нас нет. В то же время попытки добыть их косвенным путем до сих пор не привели к сколько-нибудь удовлетворительным результатам. Практически с этими результатами можно не считаться» (Л. И. Емельянов. Указ. соч., стр. 51).

¹⁰¹ «Исторические песни», № 4—38.

¹⁰² Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор, стр. 75—113.

¹⁰³ «Исторические песни», изд. 3-е, Л., 1956, стр. 41—45, 149—163, 367—369.

¹⁰⁴ О крымских и казанских набегах на русские земли в первой половине XVI в. см. С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549), «Труды МГИИ», т. 6, М., 1954, стр. 707 и сл.

¹⁰⁵ «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 96—97.